

А.В. Кубасов

РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА «МАЛЬЧИКИ» И ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЯ КАК ГИПЕРТЕКСТ

При попытке определить место рассказа «Мальчики» в творчестве писателя его обычно относят к разряду «детских», отталкиваясь от возраста главных героев. Исследовательская традиция такого рода насчитывает уже сто лет¹. Естественно, что рассказ, наряду с «Каштанкой», «Детворой», «Ванькой» и другими подобными произведениями, постепенно сместился в об-

ласть «детской литературы» и соответствующим образом стал прочитываться и интерпретироваться. Однако возможны и другие варианты подхода к произведению. Новый ракурс видения текста может задать, например, место его публикации. Чехов всегда учитывал контекстное окружение своих произведений, а также характер читательской аудитории. «Мальчики» — это образец чеховской «газетной прозы». Современный читатель привык к газетным жанрам очерка, проблемной или аналитической статьи, заметки, интервью, памфлета, фельетона, но не рассказа, тогда как в девятнадцатом веке читателя газет в определенные дни угощали и беллетристкой.

---

¹ См.: Гольцев В. Дети и природа в рассказах А.П.Чехова и В.Г. Короленко. М., 1904.

Александр Васильевич Кубасов — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания в спецшколе Уральского государственного педагогического университета.

Место и время публикации позволяет увидеть некоторые грани художественного своеобразия «Мальчиков». Рассказ был опубликован в «Петербургской газете» 21 декабря 1887 года, то есть всего за четыре дня до Рождества. Рождество и Пасха — величайшие из так называемых «двунадесятых» христианских праздников, к которым, как правило, приурочивались публикации беллетристических произведений в газетах. Показательно и то, что при первой публикации в газете рассказ имел подзаголовок «сценка» и был подписан известным псевдонимом писателя — «А. Чехонте». Все это позволяет априорно утверждать, что рассказ является юмористическим по своей природе и носит праздничный характер. Помимо газетно-журнального контекста, задаваемого «газетной» беллетристикой и жанром рождественского рассказа, «Мальчики» могут быть вписаны и в контекст творчества самого Чехова.

Некоторые сюжетные линии, детали, кажущиеся на первый взгляд излишними подробностями раскрывают дополнительный смысл при помещении их в контекст творчества писателя. При этом мы отвлекаемся от историко-хронологического подхода: в контекстное окружение включаются произведения, написанные как ранее анализируемого произведения, так и позже него. Творчество писателя в таком случае предстает как гипертекст.

Понятие «гипертекст» активно разрабатывается применительно к литературе постмодернизма. В одной из последних работ встречается такое его определение: «...это особого рода нелинейная система, которая характеризуется дисперсной организацией образующих его самостоятельных текстовых элементов и отсутствием иерархических связей, за счет чего обеспечивается возможность множественных внутритекстовых и внетекстовых связей и создание вторичных семиотических структур, играющих определяющую роль в функционировании всей системы»². В данной статье мы будем исходить из понимания всей совокупности произведений автора как гипертекста. Рабочее определение его такое: *гипертекст — это текстовое единство, скрепленное однонаправленными творческими интенциями автора (или авторов), пронизанное сквозными мотивами и образами, дополняющими и объясняющими друг друга.*

Главные герои рассказа «Мальчики» — два друга гимназиста, приехавшие на рождественские каникулы к одному из них в поместье. Какова предыстория гимназиста второго класса Володи? В тексте она не дана, однако отчасти ее

можно восстановить по другому произведению, которое создавалось параллельно с «Мальчиками». Речь идет о повести «Степь», в которой главный герой, подросток Егорушка, едет из степного хутора в город учиться. Егорушка — это будущий гимназист. Можно только догадываться о том, что Володя, живший когда-то «в родном углу» (заглавие рассказа Чехова 1897 года), повторил путь другого героя из другого произведения. Второй мальчик из рассказа, Чечевицын, представляет собой тип «кухаркиного сына». В прошлом у него, вероятно, была судьба, похожая на ту, что была у Ваньки Жукова (рассказ «Ванька»). Наверное, была та же барыня-благодетельница, желавшая помочь «безродному» устроиться в жизни. Чечевицын реализует «благополучный» вариант судьбы Ваньки Жукова. К другу Володе он едет, видимо, просто потому что его никто нигде не ждет.

Герои рассказа «Мальчики» отражаются не только в «зеркале» других произведений, вдобавок к этому они обращены и друг к другу. Обратим внимание на необычную номинацию главных персонажей. Один из них имеет только имя — это Володя, в доме которого происходит событие подготовки к побегу в Америку. Второй герой называется лишь по фамилии — Чечевицын. Только объединившись, номинация обретает традиционную цельность и завершенность (имя + фамилия). К такому именованию героев Чехов прибегает в тех случаях, когда они представляют собой две стороны одной медали, т.е. имеют несомненные различия и неявное сходство. Обращаясь к чеховскому гипертексту, мы можем найти подобный прием. В рассказе «Гусев» (1891), написанном после возвращения писателя с каторжного Сахалина, один из главных героев зовется только по фамилии (Гусев), а другой только по имени и отчеству (Павел Иванович). Несмотря на очевидное несходство «Мальчиков» и «Гусева», произведения имеют элемент общности, проявляющийся в их поэтике³. В «Мальчиках» реализована антиномическая пара «герой-трус». Фамилия «Чечевицын» смоделирована на основе поговорки «чечевицная похлебка», символизирующей бедность и скудость жизни. Фамилия героя носит стратификационный характер и определяет его место в мире взрослых. Так что фамилия не только намекает на прошлое героя, но и определяет вектор его потенциального будущего.

В рассказе есть еще один важный оним, играющий роль отсылки. Речь идет об американском писателе Майн Риде. К чему же отсылает это имя? Естественно, в первую очередь к текстам этого автора, причем не столько к каким-то

² Умбрашко Д.Б. Роман В.Г. Сорокина «Голубое сало» как гипертекст. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. С. 12.

³ Подробнее о смысле такой номинации см.: Кубасов А.В. Проза Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998. С. 262.

конкретным произведениям, сколько к гипертексту под названием «Майн Рид», обладающим определенным ассоциативно-коннотативным потенциалом («индейцы», «приключения», «подвиги», «предательства», «любовь» и т.п.). Имя американского певца прерий может выступать в качестве «поискового пароля» по отношению и к чеховскому гипертексту. Есть смысл посмотреть, в каких произведениях и в каких контекстах встречается оно.

Но прежде зададимся вопросом: кто и когда читает Майн Рида в обыденной жизни? Читают мальчики, а не девочки, и читают в определенный период становления личности, как правило, это время, когда мальчик находится на перевале от одной эпохи развития к другой. Чтение Майн Рида связано с инициацией подростка, вхождением его в мир взрослых. Происходит это на первых порах на уровне фантазии, воображения, а не поступка. Обращение к Майн Риду знаменует очередной этап взросления. Вслед за «проективным» чтением, когда подросток выбирает себе по книге определенную «роль» и модель поведения, должны последовать действия и поступки. Свое будущее поведение ясно определил для себя только один герой. Он-то и будет в большей степени готов к побегу. «Себя Чечевицын называл при этом так: «Монтигомо Ястребиный Коготь», а Володю — «бледнолицый брат мой»⁴.

Заговорив об обряде инициации, обратим внимание на заглавие рассказа Чехова. Смысл его не сводится к обобщенному обозначению лишь данных двух героев. Заглавие символично в том плане, что связано с неким жизненным русским законом и обозначает не только возраст, но и определенный тип личности. Точно так же слова «девица» и «девушка» для Чехова являются словами-характеристиками, означающими разные типы. Чеховские «мальчики» разительно отличаются от «мальчиков», например, Достоевского. У Чехова на первый план при характеристике этого возраста выступает указание на значимость фантазии, отдаленность от мира взрослых с его ценностной иерархией. В мире взрослых положение человека определяется чином и рангом. В детской и отроческой среде ценятся личностные качества. «Кухаркин сын» Чечевицын, с точки зрения взрослого сознания, находится в самом низу социальной лестницы. Недаром по приезду в гости к другу первые две минуты взрослые его вообще не замечают. Согласно другой, детской иерархии, Чечевицын — это лидер, а более состоятельный Володя — всего лишь ведомый.

Мальчики замышляют побег в Америку, чтобы жить там по законам, отличным от тех, что царят в окружающей их привычной жизни. «Побег» для героев и «побег» для автора — существенно разные явления. Следует иметь в виду, что побег можно рассматривать как факт жизни и как факт литературы. Для Чехова на первом плане всегда литературное начало, поэтому важны художественные «прецеденты» этого явления. Прежде всего, вспоминаются замышляющие или совершающие «побег» романтические герои. То, что для романтиков было нормой, то в современной Чехову литературе мало-помалу обрело характер шаблона. Бежать оказывается некуда, да и невозможно. Многие герои Чехова мечтают о побеге из серой повседневности. Вспомним только одного, учителя словесности Никитина, который в своем дневнике приходит к выводу: «Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!» (8, 332). Мальчики замышляют свой первый побег из реальной действительности в другую, смоделированную по литературным образцам. В отличие от взрослых, им еще только предстоит узнать, как трудно, как почти невозможно совершить побег. Те немногие, кому удается вырваться из механически повторяющихся будней, признаются Чеховым настоящими героями, совершившими великий подвиг. Однако в чеховском гипертексте таких людей практически нет. В определенной мере побег удалось совершить героине последнего чеховского рассказа «Невеста». В реальной действительности был человек, признанный Антоном Павловичем героем, также сумевший вырваться из пут обыденности. Это выдающийся путешественник и ученый Николай Михайлович Пржевальский. Чехов посвятил ему некролог, в котором вскользь упоминается коллизия рассказа «Мальчики», только в другой, иронической тональности: «Недаром Пржевальского, Миклуху-Маклая и Ливингстона знает каждый школьник и недаром по тем путям, где проходили они, народы составляют о них легенды. *Изнеженный десятилетний мальчик-гимназист мечтает бежать в Америку или Африку совершать подвиги — это шалость, но не простая <...>*. Это слабые симптомы той доброкачественной заразы, какая неминуемо распространяется по земле от подвига» (16, 236). Следовательно, доминирующая юмористическая, ироническая интонация в «Мальчиках» допускает и даже предполагает другой взгляд, другой тон при передаче сходных реалий.

Так раскрывается смысловой потенциал рассказа при погружении его в «проявляющий» контекст гипертекста.

⁴ Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 18 т. Т. 6. М., 1984. С. 427. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках.